

П. Миронов

ЯКУТСКИЕ СТРАНИЦЫ*



Петр Сергеевич Миронов родился 19 марта 1912 г. на железнодорожной станции Рачейка Сызранского района Куйбышевской области в семье крестьянина.

В 1938 г. по окончании II Ленинградского медицинского института был направлен на работу в Якутию. С 1938 по 1941 г. заведовал Оймяконской районной больницей, с 1941 по 1943 г. работал главным врачом Ленской районной больницы. С 1943 по 1950 г. трудится в качестве ординатора хирургического отделения Якутской республиканской больницы. С 1950 г. Петр Сергеевич становится главным врачом созданного им республиканского онкологического диспансера с 20-кочным стационаром.

В 1958 г. им была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Рак пищевода в Якутии». П.С. Миронов одним из первых указал на то, что рак пищевода является краевой патологией коренных жителей Якутии, подчеркнул актуальность дальнейшего изучения проблемы, рекомендовал наиболее эффективные методы профилактики и лечения.

Внес крупный вклад в развитие онкологической службы в республике. За заслуги в развитии здравоохранения Якутии, достигнутые успехи в лечебной практике и научной деятельности, в 1952 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Якутской АССР». Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Якутской АССР.

В журнале «Новый мир» в 1971 г., тридцать с лишним лет назад, были опубликованы воспоминания П.С. Миронова о первых годах своей врачебной деятельности в Якутии, где он проработал двадцать лет. Мы перепечатываем эти воспоминания, чтобы с ними могли ознакомиться сегодняшние молодые врачи.

1. К полюсу холода

Наш Второй Ленинградский медицинский институт готовился к выпуску 1938 года. Еще задолго до государственных экзаменов состоялось предварительное распределение будущих врачей. И волнений было, конечно, немало.

На кафедре говорили, что институту предстоит оставить в Ленинграде двух выпускников. Среди кандидатов на замещение должностей хирургов кафедры называлась и моя фамилия. Нам тогда завидовали, но у меня были свои планы, и когда состоялось окончательное распределение, я попросил послать меня в сельскую участковую больницу. Дело в том, что я проводил летние каникулы в своей родной Старой Рачейке, и посещение сельской больницы было для меня там самым настоящим праздником. Наш приветливый старичок врач однажды доверил мне сделать простую операцию – удалить кисту нижней губы у больного. Сколько гордости и радости вызвала эта самостоятельная, удачно проведенная операция.

Моей мечтой было стать опытным и всеми уважаемым сельским врачом. И мои родители были очень рады моему стремлению.

...И вот экзамены позади. Я получаю диплом с отличием. Настроение приподнятое, все хорошо, только вот мать, месяц назад перенесшая тяжелую операцию, очень больна. Профессор, оперировавший ее, сказал мне откровенно, как будущему врачу, что проживет она недолго.

В последние дни перед отъездом на место работы по институту прошел слух: состоится новое распределение врачей. Для этого специально в Ленинград прибыл нарком здравоохранения СССР Н.И. Проппер-Грошечков. Он обратился к комсомольцам института с просьбой поехать работать на Крайний Север. Будучи комсоргом

курса, я без колебания дал согласие отправиться в Оймяконскую участковую больницу.

По пути в Якутию я заглянул в родную Старую Рачейку. Мать нашел в очень тяжелом состоянии, она доживала последние дни. Сильно увеличенная печень, водянка, к тому же односторонний паралич совсем приковали ее к постели. Ощущая приближение смерти, мать настойчиво просила меня сократить ее страдания, помочь поскорее умереть. Она упрекала меня в жестокости, в том, что я вижу ее мучения и отказываюсь выполнить последнюю материнскую просьбу. Никогда не забуду ее укоризненного взгляда, ее затухающих, таких родных глаз. Мое положение было невыносимым. В эти дни я не мог ни есть, ни спать, тайком, чтоб никто не видел, плакал.

Снова и снова старательно копался я в своем небольшом багаже знаний: нельзя ли чем помочь матери? Увы! Утешительного ответа не находил. А откладывать отъезд в Якутию было нельзя. Мне тогда даже казалось, что если я еще задержусь дома, то окружающие подумают: специально жду смерти матери!

До сих пор с болью вспоминаю, как прощался с матерью. Совсем не видя окружающих, я невнятно говорил ей:

– Вот тебе, мама, лучшее доказательство того, что ты поправишься, – мой отъезд. Ведь иначе я не уехал бы.

Подступивший ком к горлу никак не придавал моим словам веса и убедительности... Мать все хорошо понимала.

Многие километры под стук колес вагона мою душу надрывали угрызения совести: как это я мог оставить умирающую мать? Не раз на остановке я готов был сойти с поезда и вернуться домой.

Но шло время, и я уезжал все дальше. На девятый день поезд прибыл на станцию Большой Невер. Дальнейший путь до Якутска предстоял через горные хребты по шоссейной дороге. Рейсовых автомашин на Алдан здесь не оказалось. Только на пятый день мне повезло: нашлась попутная грузовая машина. В ее кузове пассажиров набилось битком. Старожилы поговаривали: чем теснее, тем теплее.

В дороге я познакомился с пареньком Кешей Габышевым. В Якутске он

* - Новый мир. - 1971. - № 6. - С. 122-156.

предложил мне остановиться в доме его дяди. Тот принял меня с радушным гостеприимством, которое так нужно было мне. Его отцовские наставления очень помогли мне в дальнейшей дороге на Оймякон. Он сам ходил со мной на базар, чтоб купить для меня оленью доху, штаны и камусы. Оказалось, что Оймякон – очень отдаленный и малонаселенный районный центр. Связь с ним бывает лишь в зимний и летний периоды, каждый продолжительностью в три месяца.

Предстоящий мне путь превышал тысячу километров. Наркомздрав Якутии по моей просьбе разрешил мне закупить для Оймяконской больницы набор хирургического инструментария и медикаментов. Когда все это было упаковано в двадцать один фанерный ящик среднего размера, стало очевидным, что с таким грузом отправляться случайным попутным транспортом очень рискованно. В это время из Оймякона пришло тревожное известие: усиливалась эпидемия сибирской язвы оленей. Для лечения надо было послать туда сыворотку, и наркомздрав республики решил отправить меня, мой груз и сыворотку с почтой.

На грузовой автомашине меня доставили со всем «хозяйством» в наслег Тенгюлю, что в семидесяти километрах от Якутска. Дальше надо было ехать на лошадях. Морозы в те дни здесь доходили до шестидесяти градусов. Над наслегом висела сплошная пелена тумана, из-за которого ничего не было видно.

Из Тенгюлю мы выехали в пять утра. Почта состояла из трех подвод: на первой разместился проводник, на вторую погрузили медикаменты, третья – для меня и почтовой клади. Этот отрезок пути характерен был только тем, что молчаливый проводник из якутов жестами показывал мне: шевелись, двигайся, иначе замерзнешь.

Поздним вечером мы добрались до Ытык-Келя, дальше почта двигалась уже на оленях. Они должны были меняться на так называемых станках (почтовых станциях), расположенных в пятидесяти–шестидесяти километрах друг от друга. Поначалу мне показалось, что олени значительно резвее лошадей. И действительно, если дорога ровная, а снег не очень глубокий, то они сначала бегут как заведенные, без приободрения, равномерной спокойной рысью. Сквозь дремоту покачивающиеся впереди ветвистые рога чем-то напоминают танцующие пары. Выдыхаемый оленями воздух на сильном морозе превращается в туман,

который легким шлейфом тянется по всему пути.

Выехав со станции, первые пятнадцать–двадцать километров сидишь на нарте, сохраняя тепло, полученное в юрте, у камелька, но потом приходится периодически бежать сзади по следу нарт. Это необходимо не только для того, чтобы согреться, но и чтобы облегчать оленей, которые во второй половине пути начинают уставать.

От Хандыги дорога стала тяжелой. Высокие горные хребты, видневшиеся впереди, приближались очень медленно. Мороз усилился.

Здесь я узнал, что подъем на высоту по резко пересеченной местности менее сложен, чем спуск. При подъеме олени умело опираются на каменные уступы, и даже солидная высота им не помеха. Да и путник может помочь себе руками подняться с одного уступа на другой. Иногда, впрочем, приходится хвататься за нарту, чтобы подтянуться вверх. Одним словом, требуется только быть добрым спортсменом и не зевать: сорваться с обледенелого, заснеженного уступа можно запросто.

Спуск много труднее. Здесь уже нужна сноровка хорошо натренированного альпиниста, его выносливость и закалка. Грузеную нарту на крутых откосах удержать почти невозможно. Сорвавшаяся с каменного уступа, она увлекает за собой упряжку оленей, а вместе с ней и путника, пытающегося удержать нарту. Образуется стремительный, катящийся вниз клубок.

Наши фанерные ящики с медикаментами много раз разбивались. Приходилось в темноте ползать по глубокому снегу и часами искать разлетевшиеся пузырьки с хлороформом или эфиром, пакетики с аспирином, кодеином, связки пинцетов, ланцетов и других инструментов. На почтовых станциях я тем только и занимался, что ремонтировал свои разбитые ящики. Мне тогда оченьгодились полученные еще в школе навыки по столярному делу.

В районе Томпо нам предстоял очередной спуск протяженностью в шесть километров. Ночь выдалась морозной, но необычно светлой – появилось северное сияние. До этого я не представлял себе, какое это красочное зрелище. Впечатление такое, словно ты попал под купол какого-то сказочного дворца с миллионами разноцветных хрустальных люстр, переливающихся яркими электрическими огнями. Причем огонь этого цветного купола не стоит у тебя над головой, а все время движется. Кажется, что это световое

движение создает даже своеобразный мелодичный шум, напоминающий перезвон серебряных колокольчиков.

Тревожный крик проводника вернул меня к земной действительности. Внизу, у самого основания крутого скалистого спуска, лежали на снегу олени, нарты и проводник, словно накрепко связанные в единый узел. Нелегко было его распутать. Проводник, немолодой якут, стонал и корчился от боли. С моей помощью он кое-как освободился от ремней и встал на ноги, страдальчески придерживая ушибленную левую руку. Малейшее движение вызывало у него острую боль. Когда я стал осматривать руку, мне показалось, что раздался хруст трущихся друг о друга обломков плечевой кости. Пришлось острым якутским ножом срезать несколько прутьев и сделать из них шину. Затем я стянул ее муфтой и зафиксировал его плечевую кость. На следующей почтовой станции, занимавшей маленькую юрту с земляным полом и окнами, в которых стеклами служил лед, наспех согрел руки у пылающего камелька, я приступил к перевязке пострадавшего. Надо было наложить более удобную и постоянную шинную повязку, как это обычно предписывается при переломах. А в том, что у моего проводника перелом плечевой кости, я не сомневался. Точнее, не допускал мысли, что возможна какая-либо ошибка в поставленном мною диагнозе.

Освобождая больного от временной шины, я ощущал на себе пристальные взгляды обитателей юрты и скажу откровенно: чуть-чуть любовался своим уверенным врачеванием и думал примерно так: «Здорово повезло проводнику, что он вез врача! Что бы он стал делать без меня? Прямо на ходу оказал ему экстренную, и притом квалифицированную, помощь!» Но когда пострадавший был раздет по пояс, вместо определенного мною перелома отчетливо обнаружился лишь вывих левого плечевого сустава. Самодовольство, расправившее меня, словно ветром сдуло.

От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Однако следовало что-то делать, но вот что – этого-то я и не знал! Вправлять вывихнутое плечо мне еще ни разу не приходилось. Первые же попытки поставить плечо на место оказались тщетными. Чтобы как-то скрыть свою беспомощность, я предложил пострадавшему лечь на стол и свесить вывихнутую руку. Голову его я уложил при этом на ящики с медикаментами.

Прошло несколько минут. Проводник лежал в томительном ожидании исцеления, но моя полужнахарская затея ничем себя не оправдывала. И вдруг меня осенила мысль...

Позвав своего нового проводника, с которым предстоял дальнейший путь, я попросил его тянуть с небольшим, но нарастающим усилием больную руку пострадавшего вниз. Сам же охватил ладонями сустав и стал постепенно выводить пальцами головку плеча из-под суставной впадины.

К моему удивлению, эта операция прошла на редкость легко и быстро. Головка плеча встала на свое место, и пострадавший тут же почувствовал облегчение. Не дожидаясь моего разрешения, он покинул стол и начал делать движения левой рукой. Убедившись, что она действует, он признательно улыбнулся мне и, глубоко вздохнув, произнес:

– Бахыыба (спасибо).

Утром, осмотрев левую руку проводника, я убедился, что она вполне здорова. Лишь небольшой отек сустава напоминал о вывихе. Я радовался, однако чувство неловкости за неверно поставленный диагноз не покидало меня. Потом, разбирая этот случай, долго не выходявший из головы, что называется, по косточкам, я дал себе слово никогда не спешить с установлением диагноза.

Уже третью неделю я находился в пути. Запасы продуктов подошли к концу. Оставалось только прогорклое сливочное масло, но оно так мне опротивело, что один его запах вызывал тошноту. Я сильно похудел. Одежда, которая в начале пути казалась теплой, теперь согревала все хуже и становилась тяжелее.

Мной стала овладевать апатия. Уже не занимали меня красивые горы, не вызывало восторга северное сияние. Все труднее покидал я ночевки.

Но вот наступил наконец день, когда мы попали в наслег Тарын-Юрях, первую станцию на территории Оймьконского района. Встретили нас радушно, устроили на отдых в просторной юрте. От яркого света и щедрого тепла камелька потянуло ко сну. Не снимая верхней одежды, я прилег и моментально уснул.

Вдруг услышал:

– Доктор, вставайте! Пора подкрепиться!

Это было сказано на чистом русском языке, которого я не слышал в дороге. Открыв глаза, я увидел военного человека в форме НКВД, гревшего над камельком руки. Он сказал:

– Будем знакомы. Гурулев! – и спросил – Надолго к нам?

Не дожидаясь ответа, он решительно взял меня, полусонного, за плечи, поднял и повел к столу.

На столе были аккуратно расставлены эмалированные кружки для чая, горкой лежали разломанная на отдельные части якутская лепешка и мелко наколотый сахар. Центр стола занимал большой медный поднос с чем-то, напоминающим деревянную стружку, как будто только что вышедшую из-под рубанка.

Поймав мой пытливый взгляд, Гурулев пояснил:

– Не удивляйтесь, доктор. Это лучшее якутское блюдо-деликатес, а не «сырая рыба», как ее называют все новички. Вы ели ее когда-нибудь?

Я отрицательно покачал головой.

– Я тоже не предполагал, что буду ее с удовольствием уплетать. Так, собственно, все думают, пока не пожеват первый ломтик строганины в рот. Ну, пробуйте! Решайтесь! А то голодным останетесь. Учтите, что в нашем крае не принуждают есть. Здесь садятся за стол без приглашения.

Нерешительно положил я на зубы первый кусочек строганины. Он растаял во рту, подобно мороженому. А на вкус – пломбир, только присоленный! Как и все сидящие за столом, я стал уплетать строганину за обе щеки.

Разговаривал за столом только один Гурулев. Он все нахваливал первейшее северное блюдо. От него я узнал, что на изготовление строганины употребляют самые жирные и бескостистые сорта белой рыбы. Ловится она из-под льда и тут же на льду замораживается, затем обливается водой, чтобы получилась тонкая ледяная оболочка. Это позволяет надолго сохранить ее естественную свежесть и приусий рыбе аромат.

Когда покончили со строганиной, хозяйка юрты стала разливать очень крепкий плиточный чай. Она добавляла в каждую кружку немного томленого молока, отчего чай становился особенно вкусным.

Обильный и вкусный завтрак, а также интересный собеседник вернули мне хорошее настроение, и я стал рассказывать о себе. Гурулев переводил мой рассказ обитателям юрты, молча покуривавшим трубки.

К слову, обратив внимание Гурулева на то, что якуты больше слушают, чем говорят, я услышал от него в ответ:

– Ухо мудрых жаждет знаний.— Затем он привел еще одно изречение якутов: Охраняющий уста свои оберегает жизнь свою.

Задумавшись, я приуменьшил. Это не ускользнуло от Гурулева. Он сказал:

– Не унывайте, доктор.

Пробивающийся через ледяные стекла окна свет засвидетельствовал начало нового дня. Не надевая дохи, Гурулев вышел из юрты. Вернувшись вскоре, поживаясь от холода, он радостно сообщил:

– Морозец, братцы, что надо. Слюна на лету замерзает. – Затем обернулся ко мне: Вот вам, доктор, в знак нашей встречи и дружбы дарю колымские унты и пыжиковые чулки. Чтоб не поминали меня лихом!

Мне теплая обувь была крайне необходима, но принять такой щедрый подарок не решился:

– Бесплатно не возьму!

– Уважаемый доктор,— на этот раз сурово отчеканил Гурулев.— У нас в тайге такими вещами не торгуют.

Проводники торопили с отъездом. Мы наспех выпили еще по кружке чая и расстались с Гурулевым.

...На двадцать третий день пути вечером наши олени упряжки подъезжали к долгожданному Оймькону. От нетерпения я больше не садился на нарту. Упорно шел и шел за медленно тянувшимися ее оленями. Скоро северное сияние сделало морозную ночь похожей на наш день с предгрозовым ярким солнцем.

У спуска в оймьконскую долину проводник, старательно осмотрев нарты, велел мне сесть, и олени, словно почувствовав конец пути, рывком пустились вскачь.

Вскоре упряжки остановились у одиноко стоявшего, ничем особо не приметного рубленого строения с невысоким крыльцом. Это и была больница. Проводник сложил на снег выдавшиеся виды во время длительного пути ящики с медикаментами и мой чемодан с книгами. Затем он с прискоком сел на нарту и уже на ходу выкрикнул слова прощания.

Недалеко от больницы находилась обычная якутская юрта. Кругом одна тайга да вдали смутные очертания высочайших гор.

Постояв несколько минут в нерешительности, я поднялся на крыльцо больницы, открыл дверь и вошел в полутемный коридор. Когда рассеялись клубы хлынувшего за мной морозного воздуха, я увидел скуластого человека с прищуренными больными глазами. На нем был темный халат. Молча стоял он, пока я не заговорил с ним. Узнав, что передо мной дежурный санитар Егор Заболоцкий, я попросил его позвать заведующую больницей. Он

произнес только одно слово: «Сеп» – и тут же вышел.

Скоро он вернулся и опять-таки молча скрылся в одной из палат. Мне казалось, что я ожидаю в коридоре целую вечность. Не выдержав, я решил искать заведующую и, спускаясь с крыльца, увидел медленно шагавшую из юрты в больницу молодую женщину, которая, как это совершенно очевидно было по походке, находилась на последних месяцах беременности. Приоткрыв свои широкие темные глаза, она сухо спросила у меня:

– Вы что хотите?

Это и была заведующая больницей фельдшер Акулина Семеновна Ноговицина. Я не знал, что она несколько дней назад похоронила мужа, и ее холодную встречу воспринял как недоброжелательное, даже враждебное отношение к новоявленному врачу.

– Хотел бы определить ящики с медикаментами, да и самому надо где-то расположиться, – ответил я, представившись ей.

– С ящиками ничего не случится, пусть лежат здесь. А вы можете идти в юрту, – по-прежнему сухо сказала она. – Идемте, я покажу.

Огромная юрта делилась несколькими ситцевыми занавесками на отдельные «выгородки». За каждой из них располагалась семья. В юрте было холодно. В камельке лежали давно прогоревшие угли.

В отведенной мне выгородке пол был сбит из грубо отесанных бревен, щели между которыми засыпаны землей. Ничего, на что можно было сесть или лечь, здесь не оказалось.

Чтобы никого не беспокоить, я не раздеваясь улегся на пол, положив голову на чемодан, и попытался собраться с мыслями. Не такой ждал я встречи. Не представлял я себе, как буду тут жить, с чего завтра придется мне начинать день. Недовольный, расстроенный, засыпал я на своем чемодане.

Встал я рано, как только услышал треск разгоравшегося камелька. От огня в юрте стало как-то веселее. И сердце вроде как бы оттаяло.

Камелек разожгла санитарка Мотя, с глазами, пораженными трахомой.

– Капсе (рассказывай)! – поприветствовала она меня.

– Сох, эн капсе (нет ты рассказывай), – выпалил я неожиданно для себя заученное ответное якутское приветствие.

С трудом выпытал я у Моти, как найти райсовет и раймаг, куда без промедления и отправился. Трехкило-

метровое расстояние по хорошо протоптанной тропе, петляющей вдоль берега Индигирки, показалось мне пустяковым. Районный центр состоял из двух десятков юрт. Все учреждения его размещались в бывшей церкви. Прежде всего я разыскал раймаг, где, как говорится, с ходу купил несколько плиток шоколада, первое, что попало мне на глаза. Это, наверное, должно было показаться смешным, но я тут же в магазине с большим аппетитом проглотил пару плиток. От шоколада у меня закружилась голова и затошнило.

В райсовете меня встретили еще холоднее, чем накануне в больнице. Председатель райсовета Диомид Винокуров, маленький, щупленький, с заостренными чертами лица якут, с ледяным спокойствием выслушал через переводчика все мои просьбы и претензии, потом он достал кисет с листовым табаком, неторопливо набил трубку и закурил. После нескольких глубоких затяжек Диомид, как бы рассуждая сам с собой, сказал:

– У нас не принято никого встречать. Каждому приезжему мы рады, и он должен довольствоваться тем, что есть! Ты же знал, куда и зачем ехал. Так что с сегодняшнего дня больница твоя, вот и налаживай медицинскую службу в нашем районе. Район большой, границы его растянулись на тысячу километров. Налаживай, делай все так, чтобы мы были тобой довольны.

Надо ли говорить, что я вышел из райисполкома в полном смятении чувств. Однако налаживать работу было необходимо, и действительно ведь я знал, куда ехал.

2. Первые операции

Народу на амбулаторных приемах с каждым днем становилось все больше и больше. И все же особого удовлетворения я не испытывал, так как якуты шли на прием ко мне обычно ради любопытства. Случалось, что пациент, не дослушав моих наставлений, которые я разъяснял главным образом энергичными жестами и мимикой, подымался и молча уходил из кабинета.

По молодости переоценивая свои силы, я тогда воображал себя вполне подготовленным хирургом. Ну а раз так, то надо было доказать это на практике. И я настойчиво искал больного, которому была нужна хирургическая помощь. Мои поиски вскоре увенчались успехом.

Я нашел восьмидесятилетнего Гаврила Березкина, который длительное

время страдал массивной паховой грыжей. После беседы со мной (конечно, через переводчика) он стал часто приходить в больницу, с нетерпением ожидая, когда будет закончена затеянная мной перестройка больницы и оборудована операционная.

К перестройке мы привлекли трех молодых парней, пытавшихся с Алдана попасть на прииск Аллах-Юнь, но по ошибке попавших в Оймякон. Три зимних месяца они плутали по тайге и в последние дни питались уже кожными ремнями.

За сходную цену они подрядились отремонтировать больницу и наше общежитие в юрте. По моим указаниям, ясно, что без всякой проектно-сметной документации, они возводили перегородки, чтобы можно было иметь отдельные палаты, операционную и вспомогательные помещения. Якутская юрта также была перегороджена, так что каждая семья получила отдельную комнату. Камелек оставался как бы кухней общего пользования.

И вот наступил долгожданный день госпитализации первого хирургического больного. Требовалось приготовить раствор новокаина для обезболивания операции. Это-то я знал, а вот как приготавливается раствор новокаина, плохо представлял себе.

Единственным советчиком у меня были учебники, которыми я, готовясь в дальнюю дорогу, набил свой чемодан в ущерб другому скарбу, за что много раз потом сам себя благодарил. На этот раз выручило руководство А.В. Вишневого по местному обезболиванию. Но появилось сомнение: даст ли приготовленный раствор нужный обезболивающий эффект? Не разложился ли новокаин от кипячения? С этой целью я испробовал приготовленный раствор на себе. Получив положительный результат, так называемую лимонную корочку на предплечье, я возликовал. Для дачи наркоза я привлек молчаливую звенку Степаниду. Она еще не свыклась с обязанностями медицинской сестры, была робка и чрезмерно осторожна. На ее лице редко можно было видеть улыбку.

В ассистенты была определена фельдшер Акулина Семеновна. Роль операционной сестры досталась акушерке Дуне, которой предварительно пришлось усердно поупражняться, манипулируя кровоостанавливающими зажимами Пеана и Кохера.

Утром, собрав всех своих помощников, я еще раз тщательно их проинструктировал. Сказал, что кому делать, каждому показал его место. И вот все уже учтено и сделано.

Идет первая в моей жизни самостоятельная операция. Я, как говорится, на вершине блаженства. Все идет как будто гладко, помощники четко выполняли мои указания. Больной вроде не ощущает сильной боли, молчит. Сам я действую уверенно и легко: анатомично выделил грыжевый мешок и строго по учебнику произвел пластику пахового канала.

Успех вскружил голову. После операции мне хотелось говорить и говорить. Недаром кто-то метко заметил: «Болтливое настроение – верный признак удачи». И я старательно стал объяснять моим помощникам весь ход операции с самого начала, в чем никакой надобности не было.

Чуть подремав, я пошел в больницу. Там все спали. Оперированный мной Гаврил Березкин тоже спал.

Выйдя из больницы, я долго наслаждался морозным воздухом, белой северной ночью и воспоминаниями о своей первой операции.

Утром, убедившись, что Березкин чувствует себя хорошо, я с легкостью приступил к выполнению своих неотложных дел. Ведь, кроме врачевания, на мне лежало много других обязанностей: аптека, бухгалтерия, снабжение продовольствием.

Окончив амбулаторный прием и хозяйственные дела, я снова направился к Березкину в полной уверенности, что его выздоровление идет гладко.

Действительно, как и утром, он ни на что не жаловался. Но осматривая больного, я обнаружил сильное вздутие живота, а на языке – белый густой налет. Принялся выслушивать легкие. Что за чертовщина: отчетливо слышны хрипы, чего раньше не отмечалось, и сердцебиение усилилось. Хорошее настроение как ветром сдуло. На какой-то миг я растерялся: не знал, что следует предпринять. Потом снова кинулся к своим книгам. Но ничего не нашел в них такого, что могло бы мне помочь. Стал вспоминать институтские лекции, но не мог вспомнить ни одной, на которой бы говорилось о вздутии живота на второй день после операции.

С чувством отчаяния вернулся я к больному. Одна только надежда была – что ему лучше стало. Увы, ему стало хуже. Он пожаловался на резкие боли в животе и неприятный привкус во рту.

Что делать? Может, пойти на почту и дать телеграмму? Но кому? И когда придет ответ?

Безутешно горя, долго сидел я возле больного. В голове толклись

самые противоположные предположения: может быть, перитонит, а может быть, воспаление легких, может быть, кишечная непроходимость? А чем это вызвано: погрешностью операции или объективным состоянием организма? Если этот старик умрет, думал я, никто из здешних жителей не согласится больше на операцию. Я не умел тогда скрывать своих переживаний. Больной понял всю опасность положения, но молчал, а временами делал вид, что спит. Забылся на миг и я у его изголовья.

Тяжелый вздох больного, да еще со стоном, вывел меня из оцепенения.

– Как чувствуете себя, Гаврил Васильевич? – безнадежно спросил я.

– Ты сам болен крепко, доктор, иди поспи, а то и мне мешаешь. Ведь скоро уже утро, – раздельно и отчетливо сказал по-якутски старик.

Послушав его совета, я прилег на кушетку, стоявшую в комнате, где проводил амбулаторный прием... Но сон не шел. Вскоре раздалась шага медсестры. Она думала, что я сплю, и поэтому энергично потрясла меня за плечо:

– Доктор, у больного повсюду раздулся живот, он просит вас зайти!

Не знаю почему, но именно в эту минуту меня словно током хлестнула мысль: а что, если сделать Березкину обычную клизму?

Больной был очень плох, хотя по-прежнему лежал спокойно и молчал, живот его непомерно вздулся, изо рта исходил гнилостный запах, давало себя знать резкое учащенное сердцебиение.

Не задавая вопросов Березкину, я с помощью сестры проделал задуманную процедуру, которая обычно вызывает у больных легкие насмешки. Скажу прямо – старик сразу почувствовал облегчение, а я втройне ощутил его. Когда Березкин, улыбаясь, сказал: «Доктор, я буду теперь жить!» – моей радости не было предела.

Долго мне было стыдно перед персоналом больницы за свою браваду после операции и за свою растерянность потом, у постели больного, лежащего со вздутым животом.

...Операция грыжи у Березкина еще не успела забыться, как в больницу доставили молодую женщину Настю Кавлюкову с запущенным раком грудной железы. У больной уже определились плотные узлы в подмышечной области. Только операция могла ее спасти.

Я ни минуты не колебался, принимая решение произвести эту большую

и сложную операцию. Решимость мне придавало то, что от этой болезни умерла моя мать.

Что и как делать, я хорошо знал: в памяти было очень свежо недавно прочитанное в книгах. Одно только осложняло дело: ни один из моих помощников не владел техникой дачи эфирного наркоза. Но вот репетиция за репетицией – и дело пошло на лад.

И все же наркоз больной вначале мне пришлось давать самому. Уже когда она заснула, я передал капельницу робкой звенке Степаниде, а сам приступил к обработке рук.

Дальше все шло быстро и гладко, как на предварительных репетициях. Правда, увлекшись ровным ходом операции, я не придавал значения тому, что кровотечение у больной очень слабое. И вдруг я заметил, что она не дышит.

Во время практики нам, студентам, неоднократно напоминали о явлении часто сопутствующем операции, – западании языка при глубоком наркозе – и учили, как устранять эту ненормальность, которая может стоить жизни оперируемому. Надо было сейчас выдвинуть нижнюю челюсть больной, но сделать это ни один из моих помощников не смог – я забыл их этому научить...

Мне пришлось прекратить операцию. Выдвинув челюсть Насти, я начал производить ритмичное подергивание за язык. Но все эти энергичные манипуляции не возвращали ей дыхания. Тогда я приступил к искусственному дыханию. Спустя две-три минуты больная, вздохнув, начала мерно дышать.

Закончив операцию, я почувствовал свинцовую усталость во всем теле, присел отдохнуть и уже не в силах был подняться: давило вниз налитое тяжестью тело, голова казалась опустошенной. Я сидел с открытыми глазами, но вокруг себя ничего не видел.

Ночь Настя провела сравнительно спокойно, и я считал, что все «риффы» уже позади.

Утром больная встретила меня без особых жалоб, но лицо ее пылало ярким румянцем. Глаза блестели, и самая проникновенная улыбка была предназначена врачу-исцелителю. Увы! Температура неумолимо росла. Ртутный столбик градусника поднялся до тридцати девяти, а затем добрался и до сорока. Объяснить причину этого я, сколько ни пытался, на первых порах так и не смог. Снова обложился книгами, но чем больше читал, тем

загадочнее казалось состояние оперированной.

Только на третий день после операции при перевязке больной мне удалось определить, что температуру дало рожистое воспаление – область послеоперационного шва была ярко-багрового цвета. Пришлось распустить часть швов и накладывать спиртовые компрессы.

Мне тогда пришли на память слова моего любимого профессора М. С. Лисицина: «Рожка заканчивается на седьмой день как при случае лечения, так и без него!» Вспомнил и некоторые полуанекдотические случаи из его врачебной практики, которые он поведал нам, читая лекцию о рожистом процессе.

«Один мой знакомый, – рассказывал профессор, – заболел рожистым воспалением лица и сразу же обратился ко мне. Я, тогда молодой врач, прописал ему лекарства и уверил, что все через два дня пройдет. Спустя два дня больному лучше не стало, и он обратился к знаменитому доктору. Тот лечил примерно так же, как и я, но рожистое воспаление у моего знакомого не исчезало. На седьмой день болезни он пошел к бабке-знахарке. Бабка оказалась стреляным воробьем. Узнав от больного, что рожистый процесс длится уже седьмой день, она порекомендовала на ночь закрыть лицо красной тряпкой, которая одна, мол, только и принесет излечение. И действительно, утром на другой день, сняв красную тряпку, больной не увидел в зеркале и следа рожи. Когда спустя какое-то время у него повторилось это заболевание, он шесть дней лечился у разных знахарок и только на седьмой день заявился ко мне. Тут уже я, решив воспользоваться опытом знахарки, выписал ему для видимости физиологический раствор, и на другой день моя репутация и вера в научную медицину были полностью восстановлены в его глазах».

Ровно через семь дней и у моей больной рожистое воспаление исчезло. Она стала быстро поправляться.

Спустя пять лет я навел справки об этой больной. Настя Кавлюкова по-прежнему работала в одном из колхозов Оймьякона и родила еще одного мальчика.

Позже, уже в послевоенные годы, знакомясь с трудами А.В. Мельникова, я узнал, что, как он предполагает, рожистый воспалительный процесс благотворно влияет на излечение рака, и сразу припомнил историю моей больной. Ее полное излечение, вероятно,

тоже объясняется не чем иным, как губительным действием рожистого стрептококка на оставшиеся после операции раковые клетки.

3. Последние шаманы

В ту пору в Якутии еще существовали знахарско-шаманские приемы и способы лечения. Однажды ко мне обратился Иван Васильевич Кривошапкин, семидесятилетний старик якут, хорошо владевший русским языком, что в условиях нашего района было тогда редкостью. Он просил вылечить его от желтухи и, между прочим, сказал при этом, что у него увеличена печень...

На мой вопрос, почему он так думает, старик уверенно ответил:

– Желтуха всегда соседствует с заболеванием печени!

Меня заинтересовала такая осведомленность его в медицине, и я выяснил из разговора с ним, что он, так сказать, потомственный шаман, перенявший свое ремесло от деда.

Старик признавал, что сегодняшние врачи знают больше него и многие заболевания излечивают лучше, однако считал, что нервные заболевания, особенно припадки, лучше всего поддаются якутскому способу лечения – путем изгнания злого духа из организма больного с помощью длительного сна, вызванного специальным обрядом.

Я старался объяснить ему, что в данном случае так называемое якутское лечение основано на внушении и злые духи тут ни при чем. Он внимательно выслушал меня, но остался при своем мнении.

Заподозрив у больного шамана гуммозный процесс печени, я назначил ему курс инъекций новарсенола. После десятого вливания старик приободрился и в ответ на мои вопросы стал охотно рассказывать о своих знахарских способах лечения.

Когда речь зашла о глазных болезнях, в частности о помутнениях роговицы, он упорно доказывал мне, что вливание в помутневший глаз жидкости, добытой из глаза только что убитого горного орла, самый наилучший способ лечения.

Между прочим, несколько позже я прочел статью Н.Н. Припузова «Живые средства лечения у якутов», где описываются подобные случаи применения жидкости глаза птиц, действительно дававшие положительный результат.

На мой вопрос, как он лечит раны и гнойники, шаман заявил:

– Хорошо помогает порошок волчьего языка, если обильно засыпать им рану, или привязать теплое коровье масло, смешанное с тем же порошком волчьего языка.

Он советовал также прикладывать к ране свежее масло, а при обморожениях делать примочки из жидкости, взятой из конского глаза.

По всему видно было, что, кроме чисто шарлатанских способов лечения, он прибегает в своей практике не только к средствам якутской народной медицины, но и современной научной.

Самочувствие больного шамана с каждым днем улучшалось.

Однажды вечером во время обхода больных Иван Васильевич попросил меня присесть к нему. Когда я выполнил его просьбу, он вздохнул и после небольшой паузы решительно сказал:

– Доктор... Вот тебе за лечение мешочек с золотом... Бери, не жалко! – настойчиво шептал старик, подвигая мне свой увесистый подарок.

Я был взбешен и, чтобы не наговорить больному шаману лишнего, вскочил и ушел.

Мой гнев разобидел его, и он в ту же ночь исчез из больницы. Все попытки разыскать его были безрезультатными.

Еще с одним случаем мне пришлось иметь дело в ту пору.

Однажды декабрьским днем я вернулся из отдаленного наезда очень уставшим и в темноте у самого крыльца больницы наткнулся на труп замерзшего в скорченной позе человека. Дежурная медицинская сестра Степанида, не дожидаясь моих расспросов, сильно волнуясь, объяснила:

– Участковый милиционер и слушать не хотел, я ему говорила, а он свалил с нарт тело шамана и укатил!

Ввиду позднего часа выяснение этой непонятной истории пришлось перенести на следующий день. Но утром я должен был поспешить к одному больному, которому вдруг стало плохо. Когда я занялся им, за окном вдруг раздался душераздирающий женский крик.

Оставив больного на попечение медсестры, я выскочил на крыльцо и увидел двух мужчин, которые старались поднять на руки лежащую на нартах закутанную в одеяло женщину. Она кричала и в нервном исступлении отбивалась от них.

Когда ее внесли в больницу и силой усадили на кушетку врачебного кабинета, обезумевшая больная и тут еще кричала. Потом затихла, одна-

ко продолжала дрожать всем телом. Предложенную ей валерьянку она проглотила с трудом, несколько раз поперхнувшись. При этом она пугливо озиралась вокруг, зубы её звонко стучали о край мензурки. Лишь после того, как удалось напоить ее горячим чаем со снотворным, она успокоилась и заснула.

Люди, доставившие больную к нам, сказали, что накануне ее лечил шаман. Войдя в раж, он во время камлания внезапно умер. Больной стало еще хуже. Муж повез ее в больницу. В дороге она несколько успокоилась, но вот, увидя у крыльца мертвого шамана, снова впала в иступление.

Я был возмущен милиционером, свалившим у больницы труп шамана, и собрался пойти к нему. Не успел я войти, как нарочный принес конверт с грозным предписанием: «Предлагаю в течение 24 часов вскрыть труп шамана Вензеля и дать заключение о его смерти. Начальник милиции Н. Старков».

Старков встретил меня строго официально. Сначала он явно смаковал свои начальственные права, но после того, как, подавив клокотавшее во мне негодование, я спокойно рассказал ему, к чему привели действия участкового милиционера, и дважды повторил, что в результате их доставленную нам больную придется долго лечить, невозмутимый Старков втянул голову в плечи и задумался. Потом он вызвал к себе участкового милиционера, и тот, сев к столу, стал докладывать обстоятельства смерти Вензеля Афанаса, семидесяти шести лет, эвенка по национальности, изгонявшего злого духа, вселившегося в Скрыбыкину Евдокию.

Главное в оправдании было: шаман Вензель предупредил местных жителей, что зимой он заснет до весны, а весной, когда вскроются ручьи, обязательно проснется и снова придет лечить людей.

По мнению участкового, о похоронах шамана на его родине при такой ситуации не могло быть и речи. Поэтому-то он и привез труп в больницу.

Мой конфликт с милицией закончился мирным соглашением. Труднее было решить, что делать с трупом шамана. Мы с санитаром Заболоцким взяли это дело на себя. В темноте, озаряемой лишь северным сиянием, положили мерзлое тело на нарту, отвезли подальше от больницы, приваляли спиной к стогу сена и прикрыли шамана его же массивным бубном.

С наступлением весенних дней и

появлением ручьев он был увезен односельчанами и похоронен. С ним в могилу ушло немало цепко державшихся среди якутов суеверных страхов и диких обрядов.

...Иван Васильевич, сбежавший из больницы, тоже прожил недолго; как я потом слышал, он наказывал всем ничего не говорить мне о нем.

4. Две Ульяны

Постепенно обживаясь на полюсе холода, я чувствовал себя здесь тверже. Труднее всего проходил амбулаторный прием, потому что переводчица часто искажала смысл жалоб больных. Давая лекарство пациенту, надо было разъяснить, как им пользоваться. На это тоже уходило много времени и нервов. В тех случаях, когда приготовленных заранее лекарств не хватало, я должен был идти в соседнюю комнату, служившую аптекой, и выполнять роль фармацевта.

Не обходилось и без самых неожиданных происшествий.

Однажды на очередном приеме больных только приложил я стетоскоп к сердцу пациента, как за дверью послышался крик и поднялась суматоха. Не замедлив выскочить в коридор, я увидел объятую пламенем женщину, прыгавшую перед дверью кабинета (как позже выяснилось, она коснулась платьем раскаленной железной печки).

Одежда так пылала, словно была пропитана горячим веществом. Сорвать ее всю мне не удалось, так как женщина металась из стороны в сторону. Тогда повалил ее, укутал в снятый с себя медицинский халат и таким образом потушил огонь.

Поднявшись с полу, я как будто проснулся и увидел больных, которые, придя на прием, молча наблюдали за всем этим.

Только после того, как пострадавшую унесли в процедурную, я обнаружил, что тоже сильно пострадал: концы пальцев были оголены, кровоточили, ногти оказались сорваны, болело опаленное лицо.

С трудом нашел я в себе силы отправиться в процедурную для осмотра пострадавшей.

Она лежала на спине и стонала. Примерно третья часть ее тела имела ожоги всех трех степеней. На медицинском языке, она была в состоянии шока. Тут же ей ввели морфий с камфарой, напоили крепким чаем. Обожженную поверхность закрыли марлей, пропитанной сливочным маслом, так как специальной мази в больнице не было.

И со своими руками мне пришлось поступить таким же образом. В тот день я не мог уснуть, так как все время пришлось держать руки поднятыми вверх. А когда опускал их, прилив крови сразу вызывал нестерпимые боли.

Утром у обгоревшей Ульяны температура подпрыгнула до сорока, произошел самопроизвольный аборт. Состояние ее продолжало оставаться тяжелым. Только примерно на пятый день мог я поручиться, что она будет жить.

Вскоре после этого – у меня еще не успели зажить концевые фаланги пальцев, покрывшиеся толстыми корками струпьев, – случилось новое ЧП.

В теплый весенний день медсестра Степанида, любившая засиживаться у окна, прижавшись лицом к стеклу, заметила приближающуюся к больнице оленью упряжку. Так как проводник часто брался за нарту, чтобы помочь оленям тащить ее по уже оттаявшему болотистому грунту, чувствовалось, что он очень торопится. Вместе с любопытными больными я вышел на крыльцо, чтобы поскорее узнать, не больного ли везут.

Не доехав до крыльца, проводник стал жалобно выкликать:

- Альдырхай, альдырхай (несчастье, несчастье)!

Когда я подошел к нему, он показал мне на лежавшую в нарте женщину:

– Ульяна родить должна, долго не может – умирает!

У доставленной к нам женщины с громадным горбом не прекращались родовые схватки. А когда беременную уложили на больничную койку, у нее вдруг начался тяжелейший приступ эклампсии. Спасти больную могла только самая срочная операция – кесарево сечение. Получить какую-либо помощь извне и думать было нечего: тогда санитарной авиации Якутия еще не имела.

Забыв о своих незаживших пальцах, я немедленно приступил к так называемой плодоразрушающей операции. К концу ее у меня на руках открылись раневые поверхности и стали обильно кровоточить. От нарастающей боли я был готов, как говорится, на стенку лезть. Всю ночь, изнемогая от болей, я не спал, к утру температура поднялась до сорока.

Три дня находясь в очень тяжелом состоянии, я утешал себя тем, что вторая Ульяна после операции поправляется прямо на глазах.

(Продолжение следует).